

На правах рукописи

ЧИСТАЛЕВ Марк Сергеевич

**ВОСПРИЯТИЕ ЕГИПТА И ЕГИПЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РИМСКОМ
ОБЩЕСТВЕ (СЕРЕДИНА I В. ДО Н.Э. – НАЧАЛО III В. Н.Э.)**

Раздел 07.00.00 – исторические науки
Специальность 07.00.03 – всеобщая история (древний мир)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Научный руководитель:

Махлаюк Александр Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира
и классических языков Института
международных отношений и мировой истории
ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

Официальные оппоненты:

Парфенов Виктор Николаевич,
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории Отечества и культуры
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
технический университет имени Гагарина Ю.А.»

Васильева Ольга Александровна,
кандидат исторических наук,
заведующая отделом Древнего Востока
Государственного музея изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится «___» _____ 20 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д.501.002.12 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, Шуваловский корпус, исторический факультет МГУ, ауд. А416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, Фундаментальная библиотека), а также на сайте <http://hist.msu.ru/Science/Disser/Chistalev.htm>.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что формирование образа «чужой» культуры в римском обществе, да и в античном мире в целом – сложная дискуссионная тема, привлекающая новые поколения исследователей, часто подходящих к ней с диаметрально противоположных и даже взаимоисключающих позиций. Для любого общества кросс-культурные контакты имеют как положительное, так и отрицательное значение: с одной стороны, они способствуют взаимообогащению культур и сближению народов, а с другой, интенсивное и слабо контролируемое заимствование повышает потенциальную опасность утраты той или иной общностью своей культурной самобытности. Именно поэтому проблемы взаимоотношения культур, тем более таких различных как римская и египетская, позволяют нам по-новому взглянуть на аналогичные процессы, происходящие в современном мире. Глобализация, демократизация общественной жизни, открытость и доступность самых последних достижений мировой культуры позволяют огромному числу людей узнавать много нового о поведении и образе жизни других народов. Изучение процессов межкультурной коммуникации и определение факторов, влияющих на формирование образа «чужой» культуры, может способствовать более глубокому пониманию культурных особенностей «других» народов и правильному восприятию их культуры.

Следует отметить, что в настоящее время изучение «образа другого» – это активно разрабатываемое направление в гуманитарных науках. Междисциплинарный характер обращения к данной тематике обусловлен нарастающей популярностью имагологии¹, задача которой состоит в обобщении и разработке общей парадигмы восприятия «образа других» в пространстве того или иного национального сознания. Начиная с 1990-х гг. в зарубежной и с начала 2000-х гг. в отечественной историографии имагология закрепились как одно из направлений исторической науки. Поэтому не случайно, что за последние двадцать лет в академической науке значительно возрос интерес к теме взаимодействия между Египтом и Римом, между римской и египетской культурами. Причем дебаты по данной тематике позволили по-новому взглянуть не только на процессы романизации Египта в период принципата, но также выявили новые аспекты обратного культурного воздействия Египта на Рим². Одним из значимых аспектов такого воздействия является проникновение египетских культов в Рим и реакция римских властей на этот процесс. Римская религиозная система была неотъемлемой частью римского общества и была неразрывно связана с политикой³. Многие аспекты отношения римлян к египетской религиозно-культовой

¹ Имагология - научная дисциплина, имеющая в качестве предмета изучения образы «других» культур (стран, наций). Подробнее см. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. №4. С. 31–40.

² Nile into Tiber. Egypt in the Roman World / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden, 2007. P. 2.

³ Wardman A. Religion and Statecraft among the Romans L., 1982. P. 37.

практике все еще остаются дискуссионными. Это, в частности, такие вопросы, как наличие предубеждений против египетских культов в Риме, влиявших на их восприятие со стороны римских властей; принадлежность некоторых римских императоров к последователям египетских культов и другие. Кроме того, по-прежнему ведутся дебаты о характере и степени распространения египетских и египтизированных предметов на территории Римской империи. Ключевыми для данных дебатов являются вопросы интерпретации *Aegyptiaca Romana*, а также роль египетских религиозных культов в увеличении популярности египетской тематики в Риме. Таким образом, наше исследование представляет собой попытку, опираясь на критический анализ существующих в современной историографии подходов, определить характер и содержание межкультурной коммуникации между Римом и Египтом, особенности восприятия египетской культуры в римском обществе.

Объект исследования составляют межкультурные коммуникации в рамках Римской империи и взаимоотношения греко-римской и египетской культур как их составная часть.

Предметом изучения являются представления о Египте и египетской культуре в римском обществе и факторы, влиявшие на их формирование и распространение: ментальные стереотипы римлян, знания и образы, заимствованные у греческих авторов, конкретно-исторические обстоятельства, в частности, гражданские войны в Риме и, как следствие, политическое противостояние между Марком Антонием и Октавианом Августом, официальная римская пропаганда. Основное внимание уделяется религиозному аспекту, а именно отношению римлян к египетским религиозным культам как эллинизированным (например, к культу Исиды, занимавшему в обозначенный период особое положение в римской политической и культурной жизни), так и не затронутым эллинизацией, в основе которых лежит поклонение животным. За рамками нашего исследования останется изучение самого процесса проникновения египетских культов на территорию Рима, Италии и провинций, поскольку данная тема получила глубокую и разностороннюю разработку в мировой историографии⁴.

Цель и задачи исследования. Исходя из актуальности и дискуссионного характера обозначенных проблем целью исследования является проведение комплексного анализа всей совокупности представлений римлян об образе египетской культуры (как древнего, так и эллинистического периода), начиная с первых упоминаний о Египте в римской литературе 50-х гг. I в. до н.э. и заканчивая

⁴ См., например: Захаров А.А. Эллинистические молитвы к Исиде // Сборник египтологического кружка при ЛГУ. 1930. № 4. С. 7–14; Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996; Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000; Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. Cambridge, 2007. Vol. I; Cleveland I.T. *The Egyptian Cults in Ancient Rome: A Study of the Diffusion and Popularity of the Cults in Roman Society*. Warrensburg, 1987; *De Memphis à Rome: Actes du Ier Colloque International sur les Études Isiaques* / Ed. L. Bricault. Leiden, 2000; Takács S.A. *Isis and Sarapis in the Roman world*. Leiden, 1997; Gallo P. *Luoghi di culto e santuari isiaci in Italia* // *Iside: Il Mito, Il Mistero, la Magia* / Ed. E.A. Arslan. Milano, 1997. P. 290–296; Witt R.E. *Isis in the Ancient World*. Baltimore, 1997.

утверждением египетских религиозных культов в качестве *sacra publica populi Romani*.

Данная цель предполагает постановку и решение следующих основных исследовательских задач:

1) рассмотреть связь между внешней политикой Рима и формированием образа Египта в римском обществе;

2) проанализировать характер и степень влияния политических событий времен Второго триумvirата и правления Октавиана Августа на представление римлян о Египте и египетской культуре;

3) определить, как различные источники информации о Египте, а также предубеждения в отношении Египта, использованные в пропаганде Октавиана Августа, сказывались на том образе жителей долины Нила, который римские поэты и прозаики создавали в своих произведениях;

4) исследовать отношение римских официальных властей к египетским религиозным культам, а также рассмотреть причины тенденциозности и предубеждений в восприятии египетской религии римлянами;

5) выявить причины появления и культивирования сложившихся стереотипов в восприятии египетской религии в римском обществе, обратив внимание на то, как египетские жрецы в Риме и в самом Египте поддерживали образ, созданный в отношении них римлянами;

6) исследовать значение египетских и египтизированных предметов и артефактов из Рима и других частей Imperium Romanum и определить, как увлечение римлян египетской тематикой соотносится с теми образами Египта, что были распространены в среде римской интеллектуальной элиты.

Хронологические рамки исследования определяются проблематикой работы и охватывают период от середины I в. до н.э., когда мы находим в римской литературе первые упоминания о египтянах и египетской религии, до III в. н.э., когда наблюдается широкое распространение египетских культов не только в Риме, но и в империи в целом. Внутренняя логика исследования требует иногда обращаться к более ранним или более поздним источникам не только римского, но и греческого происхождения.

Географические рамки исследования ограничиваются территорией Италии, поскольку этот регион наиболее точно отражает именно римское отношение к египетской культуре и наименее зависим от исторических предубеждений жителей других провинций, входивших в состав Римской империи.

Методологическая база исследования. В основе исследования лежит проблема дихотомии «Свой – Чужой», которая является неотъемлемой частью мироощущения человека в пространстве культуры. Интерес современной гуманитарной науки к данной проблеме очевиден, а междисциплинарный характер исследования предполагает необходимость поиска новых подходов и методов, наилучшим образом помогающих исследовать данную проблематику.

Исследование строится на использовании как общих, так и специальных методов научного исследования. Аксиологический подход к изучению культуры предполагает анализ отношения носителей одной культуры к нормам и ценностям другой. В контексте данной методологической установки возможно исследование влияния римских культурных ценностей на формирование представлений о египетской культуре.

Представляется продуктивным применение имагологического подхода, который позволяет выявить причины и характер непонимания или негативного восприятия образа «другого».

Кроме того, использовалась методология изучения группового сознания, разработанная в рамках теории социальной идентичности⁵. Следует отметить следующие положения данной теории: 1) групповая принадлежность является продуктом соответствующих представлений; 2) в процессе формирования представлений об окружающем мире индивид неизбежно противопоставляет свою общность какой-то другой.

Еще одним значимым подходом является методология изучения кросс-культурной коммуникации, разработанная, в частности, И.В. Наместниковой. Автор рассматривает межкультурную коммуникацию как социальный феномен, который выявляет социокультурные особенности и отличия как внутри отдельного общества, так и между различными обществами в процессе их взаимодействия⁶.

Общенаучный метод системного анализа предполагает рассмотрение явления во взаимосвязи и развитии, в совокупности всех его составляющих существенных элементов. Важной составляющей научной методологии стал принцип историзма как способ изучения явлений в процессе их возникновения и эволюции, в тесной связи с конкретными историческими условиями, что способствует выявлению качественного своеобразия явлений, общего и особенного.

Теоретическая база исследования. Проблематику формирования цивилизационной идентичности и актуальность темы кросс-культурного взаимодействия в числе первых выдвинули А. Тойнби⁷ и С. Хантингтон⁸. Во второй половине XX в. Э. Саид стал автором новой концепции понимания феномена «ориентализма»⁹, подчеркивает сквозной исторический характер враждебного отношения Запада к Востоку.

⁵ Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, 1982; Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago, 1986. P. 7–24.

⁶ Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: автореф. дис. д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Наместникова Ирина Викторовна. М., 2003. С. 35.

⁷ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003.

⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

⁹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.

Несомненную теоретическую значимость для исследования восприятия образа «другого» представляют работы К. Бреттелл¹⁰, Б. Андерсона¹¹, И. Нойманна¹² и Э. Грюэна¹³. Авторы исследуют формирование национальной идентичности, рассматривая обстоятельства и пути распространения в обществе стереотипных представлений, соотношение в них истинного и вымышленного. Отдельно следует выделить работу Э. Грюэна, центральной темой которой является изучение процессов самоидентификации народов в период античности. Автор пытается развенчать сложившееся в академической науке представление о том, что древние греки, римляне и евреи формировали собственную идентичность исключительно за счет противопоставления себя другим народам (египтянам, финикийцам, эфиопам или галлам), которых они презирали и демонизировали¹⁴.

Нельзя не отметить значимость фундаментальных трудов отечественных ученых М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и В.С. Библера, посвященных анализу диалога как устойчивого фактора и формы кросс-культурной коммуникации. В целом и М.М. Бахтин, и Ю.М. Лотман, и В.С. Библер сходятся в том, что при всей типологической общности разнообразных диалогов культур каждый из них протекает своеобразно в соответствии со своими историческими условиями.

Вклад в изучение теории проблемы межкультурной коммуникации внес и С.В. Чугров¹⁵. Автор принимает стереотипы человеческого сознания за основу для поиска границы между предрассудками и нормальным видением образа «другого».

Особое внимание проблемам межкультурного взаимодействия, а также этнической и национальной идентичности уделяет и Л.П. Репина в работе ««Национальный характер» и «образ другого»»¹⁶. Автор отмечает, что на разных этапах исторического развития сложившиеся в коллективном сознании того или иного народа образы «других» выполняют различные функции. Но в определенных провоцирующих условиях могут возобновляться старые антагонизмы, актуализируя полузабытые образы и стереотипы, уходящие корнями в далекую древность¹⁷.

Анализ процессов культурного и религиозного синтеза египетской и греко-римской культур стал основой для исследования Д. Франкфуртера. Он попытался обосновать внутренние причины, по которым египетские жрецы стали восприниматься в греко-римском мире как чародеи, носители сакрального знания и

¹⁰ Brettell C.B. Introduction: Travel Literature, Ethnography, and Ethnohistory // *Ethnohistory*. 1986. Vol. 33. № 2. P. 127–138.

¹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

¹² Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейской идентичностей. М., 2004.

¹³ Gruen E.S. *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton, 2010.

¹⁴ *Ibid.* P. 352.

¹⁵ Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993.

¹⁶ Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 39. С. 9–19.

¹⁷ Там же. С. 17.

мудрости. Для этого он вводит специальный термин «стереотипное присвоение»¹⁸. Согласно Д. Франкфуртеру, под «стереотипным присвоением» подразумевается множество способов, которыми культуры коренных народов принимают и поддерживают стереотипы, созданные в отношении них завоевателями или представителями доминирующей иноземной культуры. Концепция Д. Франкфуртера может выступать в качестве теоретической основы не только при исследовании представлений о египетской религии в римском обществе, но и при рассмотрении механизмов появления искаженного восприятия египетской истории среди греко-римских туристов, посещавших Египет.

В целом применение указанных методологических и теоретических подходов может способствовать решению поставленных в настоящей работе исследовательских задач.

Источниковая база исследования

Тема обеспечена источниками неравномерно: наибольшее количество нарративных источников относится к концу I в. до н.э. – I в. н.э., а значительная часть археологического материала датируется концом I – III в. н.э. При этом содержащаяся в них информация зачастую представлена неоднозначными и подчас тенденциозными свидетельствами. Источники можно разделить на три группы.

1. Литературные. Они являются наиболее обширной и информативной группой источников, использованных в работе.

Рассматривая вопросы отношения римского общества I в. до н.э. – II в. н.э. к египетской религии, следует отметить, что первым римским автором, выразившим свое отношение к традиционным египетским верованиям, был Марк Туллий Цицерон. Он был восприимчив к настроениям римского общества и отразил свое отношение к культам, противоречащим традиционным римским взглядам (Tusc. I. 108; Nat. deor. I. 101). Но далеко не все римские авторы характеризовали египетскую религию исключительно в негативном ключе. Так, Альбий Тибулл, не пытался использовать описание египетских религиозных традиций в качестве иллюстрации нелепых и отталкивающих культов, наоборот, для него египетская религия представлялась неким удивительным феноменом из далекой и непонятной страны. Наиболее значимыми источниками в контексте пропаганды, относящимися к концу I в. до н.э., являются произведения поэтов Горация, Вергилия и Проперция. И хотя, по утверждению Артура Писа, «современная историческая критика должна с большим сомнением относиться к описанию исторических событий или биографий, когда эти темы поднимаются в поэзии»¹⁹, нельзя недооценивать значимость литературных произведений, относящихся к эпохе Октавиана Августа, т.к. в нашем случае они являются важным источником для понимания того, на чем основывалась пропаганда Августа, и как она отразилась на формировании негативных стереотипов в отношении

¹⁸ Frankfurter D. The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors // Archiv für Religionsgeschichte / Ed. J. Assman. B., 2000. Bd. 2. P. 167.

¹⁹ Publi Vergili Maronis Aeneidos Liber Quartus / Ed. A.S. Pease. Harvard, 1935. P. 238.

Египта. Для другого поэта эпохи, Публия Овидия Назона использование известных римлянам типично египетских имен и объектов было скорее попыткой заимствования популярных образов для привлечения читательской аудитории²⁰. Сведения, оставленные Валерием Максимом, дополняя иные источники, позволяют нам понять масштаб распространения египетских культов среди римлян в I в. до н.э. (Val. Max. I. 3. 4). Луций Анней Сенека Младший – один из немногих римских авторов, который прожил несколько лет в Египте, поскольку его дядя Гай Галерий был префектом Египта²¹. Тем не менее, его позиция по отношению к Египту во многом схожа с представлениями современников, которые Египет не посещали. «Естественная история» Плиния Старшего интересна философским подходом автора к религии, в частности к попыткам отыскать облик и форму бога, а также критичными суждениями о народах, поклоняющихся животным (см., например NH. II. 5. 16, VIII. 37, X. 40).

Отдельные сведения, связанные с египетскими культами мы можем найти в трудах Публия Корнелия Тацита. В контексте нашей темы в работах Тацита наибольший интерес представляет описание чудес, происходивших с Веспасианом (Hist. IV. 81–82), спасение Домициана, переодетого в жреца Исиды (Hist. III. 74), и другие сведения, характеризующие религиозную деятельность римских императоров (Ann. II. 59–61, XI. 15). Представления Марка Аннея Лукана о Клеопатре и Египте в целом во многом схожи с представлениями Вергилия. При этом сам автор уделяет значительное внимание популярному антиегипетскому топосу, связанному с восприятием Египта как «предательской земли» (*perfidia tellus*. Luc. VIII. 539), виновной в смерти Помпея. Ко времени Децима Юния Ювенала пропагандистски заостренные оценки римских авторов, сформированные в последней трети I в. до н.э., утратили свою политическую актуальность, но это не мешало ему создать весьма эмоциональные произведения, посвященные египетской религии и Египту в целом. Плутарх, грек из беотийской Херонеи, посвятил специальный труд («Об Исиде и Осирисе») египетской религии. Произведение Плутарха показывает не только его большой интерес к Египту, но и готовность использовать египетскую теологию для формирования собственных религиозных концепций²². Два автора II в. н.э. Лукиан Самосатский и его младший современник Луций Апулей представляют контрастирующие между собой представления о египетской религии. Лукиан выбирает египетскую религию, равно как и другие религиозно-культовые практики своего времени, в качестве объекта для острот и насмешек (Deor. Conc. 10; Pro imag. 27; Imag. 11). а отношение Апулея к египетским культам, напротив, почтительное и

²⁰ См. Hardie P.R. *Ovid's Poetics of Illusion*. Cambridge, 2002; Hardie P.R. *The Cambridge Companion to Ovid*. Cambridge, 2002. P. 48–53.

²¹ Грималь П. *Сенека, или Совесть империи*. М., 2003. С. 124.

²² Подробнее см. Brenk F.E. *Isis is a Greek Word: Plutarch's Allegorization of Egyptian Religion // Plutarcho, Platón y Aristóteles: actas del V Congreso internacional de la I. P. S., Madrid-Cuenca, 4-7 de mayo de 1999 / Ed. A.P. Jiménez, J.G. López, R.M. Aguilar. Madrid, 1999. P. 227–238; Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // Journal of comparative poetics. 2004. Vol. 24. P. 34–67; Richter D.S. Plutarch On Isis and Osiris: Text, Cult, and Cultural Appropriation // TAPhA. 2001. Vol. 131. P. 191–206.*

уважительное. В «Метаморфозах» он подробно описывает посвящения в таинства культа Исиды (Met. XI. 21–25) и первым из римских авторов создает, бесспорно, самый позитивный образ египетской богини и ее культовой практики. «Римская история» Диона Кассия Коккейана – важный источник в вопросе об отношении официальных римских властей к египетской религиозной практике в Риме. О самом Египте Дион Кассий оставил немного сведений: в основном они касаются политических событий гражданской войны и периода Второго триумvirата, при этом его интерес к Египту обусловлен исключительно взаимоотношениями Клеопатры с Цезарем и Антонием. Еще одним источником является сборник «Scriptores Historiae Augustae». Не вызывает сомнений наличие в сборнике вымышленных событий, лиц, а также указаний на мнимые документы. Однако обращение к данному источнику при рассмотрении вопросов, связанных с отношением римских императоров к египетским религиозным культам, является оправданным, если в качестве сравнения дополнительно будут использованы иные источники.

Сочинения других авторов, использованные в данном исследовании, позволяют уточнить сведения наших основных источников. Источники часто дополняют друг друга, что позволяет выявить расхождения и попытаться приблизиться к установлению наиболее полной и разносторонней картины.

2. Среди эпиграфических источников наибольший интерес для нашей темы представляют граффити, оставленные античными «туристами» на египетских монументах и памятниках: они выполнены как на греческом, так и на латинском языке²³. Хронологически надписи охватывают значительный временной промежуток с начала III в. до н.э. по IV в. н.э., а по своему содержанию носят выраженный личностный характер. Это позволяет использовать их в качестве одного из основных источников при изучении путешествий в Египет не только высокопоставленных «туристов» (в том числе и императоров), но и «рядовых» римлян.

Кроме того, в качестве вспомогательных источников привлекались отдельные votivные надписи, посвященные египетским богам, а также надписи, относящиеся к египетским культам, найденные во время археологических раскопок на постаментах и иных сооружениях в Риме и Италии. Эти надписи в основном краткие и фрагментарные, но с их помощью можно дополнить и проверить сведения, представленные другими источниками. Главным образом они собраны в *Corpus Inscriptionum Latinarum*.

²³ См. Baillet J. Les Inscriptions Grecques des Tombeaux des Rois ou Syringes à Thèbes. Cairo, 1926; Bataille A. Les Inscriptions Grecques du Temple de Hatshepsout à Deir-el-Bahari. Cairo, 1951; Bernard A., Bernard É. Les Inscriptions Grecques de Philae. Paris, 1960; Bernard A., Bernard É. Les Inscriptions Grecques et Latines du Colosse de Memnon. Cairo, 1960; Bernard A., Masson O. Les Inscriptions Grecques d'Abou Simbel // Revue des Études Grecques. 1957. Vol. 70. P. 1–46; Bernard É. Pelerinage au grand Sphinx de Gizah. Bonn, 1983; Perdrizet P., Lefebvre G. Les Graffites grecs du Memnonion d'Abydos. Nancy, 1919.

3. Археологические источники при всей сложности их интерпретации представляют собой богатый материал, на основании которого можно исследовать вопросы распространения *Aegyptiaca Romana* в Риме и Италии²⁴.

Для нас представляют интерес результаты раскопок храмов, посвященных египетским богам, материалы, связанные с реконструкцией данных религиозных сооружений, а также исследования обелисков, пирамид и иных объектов и сооружений, находившихся на территории Рима и Италии, которые мы можем отнести к категории *Aegyptiaca*.

Также можно выделить отдельную подгруппу **иконографических** источников, которая представлена мозаикой и фресками с разнообразными египетскими сценами и мотивами²⁵. Данный тип источников проливает свет на восприятие египетской природы и культуры. Образный строй и стилистические особенности соответствующих изображений требуют искусствоведческого анализа.

Следует также подчеркнуть значимость **нумизматических** источников. Религиозная политика императоров нашла свое отражение в монетной чеканке Римской империи, поскольку изображение на монетах богов и связанных с ними легенд определялось в том числе и стремлением того или иного императора отдать предпочтение определенным культам. Так, религиозными предпочтениями объясняется появление Исиды и Сераписа в чеканке Флавиев²⁶. Именно при Флавиях на монетах появляются изображения храмов Исиды и Сераписа: *Iseum Campense* фигурирует в чеканке и Веспасиана, и Домициана²⁷. Многие императоры связывали свои военные победы с покровительством восточных божеств. Например, на монетах

²⁴ Интересующие нас результаты археологических раскопок храмовых комплексов, различных религиозных объектов, общественных римских сооружений, а также частных домовладений представлены в ряде современных публикаций: Coarelli F. *I monumenti dei culti orientali in Roma. Questioni topografiche e cronologiche // La sotierologia dei culti orientali nell'Impero Romano* / Ed. U. Bianchi, M.J. Vermaseren. Leiden, 1982. P. 33–67; Iversen E. *Obelisks in Exile: The Obelisks of Rome*. Copenhagen, 1968; Kater- Sibbes G.J.F., Vermaseren M.J. *Apis: Monuments from Outside Egypt*. Leiden, 1975. Vol. I, II; Lembke K. *Das Iseum Campense in Rom: Studie über den Isiskult unter Domitian*. Heidelberg, 1994; Malaise M. *La diffusion des cultes égyptiens dans les provinces européennes de l'Empire romain // ANRW. Tl. II. Bd. 17.4. B.–N. Y., 1984. – P. 1615–1691*; Malaise M. *Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie*. Leiden, 1972; Müller H.W. *Der Isiskult im antiken Benevent und Katalog der Skulpturen aus den ägyptischen Heiligtümern im Museo del Sannio zu Benevent*. B., 1969; Roulet A. *The Egyptian and Egyptianizing Monuments of Imperial Rome*. Leiden, 1972; Swetnam-Burland M. *Egyptian Objects, Roman Contexts: A Taste for Aegyptiaca in Italy // Nile into Tiber. Egypt in the Roman World / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom*. Leiden, 2007. P. 113–136.

²⁵ При обращении к данным материалам использовались следующие работы: Blake M.E. *Roman mosaics of the late Empire in Rome and vicinity // Memoirs of the American Academy in Rome*. 1940. Vol. 17. P. 81–130; Meyboom P.G.P. *I mosaici pompeiani con figure di pesci // Mededelingen van het Nederlands Historisch Instituut te Rome*. 1977. Bd. 39. P. 49–93; Meyboom P.G.P. *The Nile Mosaic of Palestrina: Early Evidence of Egyptian Religion in Italy*. Leiden, 1995; Versluys M.J. *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden, 2002.

²⁶ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 293.

²⁷ Там же. С. 384.

Адриана, отчеканенных по случаю прибытия императора в Александрию для подавления беспорядков, изображены Исида и Серапис, олицетворяющие самого Адриана и его супругу Сабину (RIC II. № 877). Совокупность использованных нумизматических источников позволяет дополнить сведения о религиозной и культурной политике Римской империи, религиозных устремлениях отдельных императоров.

Степень разработанности темы

Изучение культурного взаимодействия между Римом и Египтом началось со второй половины XIX в. Обращает на себя внимание то значительное место, которое во всех исследованиях этого периода занимает культ Исиды. Начало было положено Георгом Лафайе, который первым исследовал роль египетских богов за пределами Египта в работе 1884 г.²⁸ Во второй половине XIX в. на территории Италии были обнаружены многочисленные египтизированные предметы (*Aegyptiaca*) и египетские артефакты, которые ввиду тематики исследования были автоматически отнесены Лафайе к категории религиозных предметов, связанных с египетскими культами. Такая интерпретация археологических данных согласовывалась со сложившимися в XIX в. взглядами на распространение египетской культуры в Италии главным образом в связи с культом Исиды. Этой же позиции придерживался и Франц Кюмон, чья монография по исследованию восточных культов в Риме появилась в 1911 г.²⁹

В этот же период появляются первые работы, посвященные археологическим находкам, сделанным на территории Рима и Италии: в 1903 г. К. Хулсен впервые создал реконструкцию Исеума, находившегося на Марсовом поле³⁰. Несмотря на то, что последующие работы по данной тематике были в значительной степени дополнены новыми сведениями, в их основе по-прежнему лежало исследование К. Хулсена³¹.

Первые всесторонние исследования исконно египетских (неэллинизированных) культов были предприняты также в начале XX века. Два исследователя Ф Циммерман³² и Т. Хопфнер³³ впервые попытались определить, насколько сведения о египетском поклонении животным, представленные в античной литературе, соответствовали египетским источникам.

²⁸ Lafaye G. Histoire du culte des divinités d'Alexandrie Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Égypte depuis les origines jusqu'à la naissance de l'école Néo-Platonicienne. P., 1884.

²⁹ Cumont F. Oriental Religions in Roman Paganism. Chicago, 1911 (русск. перевод: Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / Пер. с фр. А.П. Саниной. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002).

³⁰ Hülsen C. Porticus Divorum und Serapeum im Marsfelde // Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. 1903. Bd. XVIII. S. 17–57.

³¹ См., например, Lembke K. Op. cit.

³² Zimmermann F. Der ägyptische Tierkult nach der Darstellung der Kirchenschriftsteller und die ägyptischen Denkmäler. Bonn, 1912.

³³ Hopfner T. Der tierkult der alten Ägypter nach den griechisch-römischen berichten und den wichtigeren Denkmälern. Wien, 1913.

Исследования отношения к египетской религии в римском мире, как части общего интереса римлян к восточным верованиям, получили в 1950-х гг. новый импульс благодаря работам Ж. Леклана³⁴ и М. Дж. Вермасерена. Уже к середине XX в. объем научной литературы, связанной с культами Исиды и др. египетских богов, стал настолько велик, что Ж. Леклан выпустил специальную монографию, посвященную исключительно библиографическому описанию подобных исследований³⁵.

Именно с середины XX в. в целом ряде работ поднимается вопрос об изменении отношения римлян к культам Исиды, Сераписа и их последователям в Риме в эпоху Принципата³⁶. В начале 1970-х гг. появились сразу две монографии по египетским и египтизированным артефактам, найденным в Италии. Работа М. Малэза³⁷, равно как и обширный каталог А. Руле³⁸, имели один серьезный недостаток: систематизация и интерпретация многих источников не учитывала тот факт, что далеко не вся *Aegyptiaca* имела прямое отношение к египетской религии. Тем не менее, несмотря на недостатки, свойственные практически всем исследованиям вплоть до 1990-х гг., связанным с экспансией египетской культуры в античном мире, работы М. Малэза и А. Руле и по сей день представляют ценность в качестве каталогов *Aegyptiaca Romana*. Более того, монография М. Малэза была выбрана в качестве основы для исследования М. Де Воса³⁹, появившегося почти десятилетие спустя и изданного в серии *EPRO*. Впервые *Aegyptiaca* рассматривалась с новой концептуальной позиции, где главная роль отводилась не египетским религиозным культам, а культурным процессам, которые сам автор назвал «египтоманией».

На сегодняшний день самым полным исследованием влияния исконно египетских культов на формирование образа Египта в древнем мире является труд Е. Хамелрик и К. Смелика⁴⁰. В своей работе авторы ставят задачу не столько дать полное описание египетского поклонения животным, сколько изучить представления римлян, греков и «отцов церкви» об этой стороне египетской религии, которая, безусловно, оказала серьезное влияние на формирование образа Египта в античном мире.

³⁴ Leclant J. Notes sur la propagation des cultes et monuments égyptiens, en Occident, à l'époque impériale // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1956. Vol. 1. P. 173–179.

³⁵ Leclant J., Clerc G. *Inventaire bibliographique des Isiacs (Ibis)*. Répertoire analytique des travaux relatifs à la diffusion des cultes isiaques 1940-1969. Leiden, 1972.

³⁶ См. Beaujeu J. *La Religion romaine à l'apogée de l'Empire*. P., 1955; Lambrechts P. *Augustus en de Egyptische Godsdienst*. Brussel, 1956; Leclan J. *Reflets de l'Égypte dans la littérature latine d'après quelques publications récentes* // *Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg*. 1959. № 6. P. 303–308; Malaise M. *Les conditions...*

³⁷ Malaise M. *Inventaire préliminaire des documents égyptiens découverts en Italie*. Leiden, 1972.

³⁸ Rouillet A. *Op. cit.*

³⁹ De Vos M. *L'egittomania in pittura e mosaici romano-campani della prima età imperiale*. Leiden, 1980.

⁴⁰ Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // *ANRW*. Tl. II. Bd. 17.4. B.–N. Y., 1984.

Следующим этапом интереса к теме взаимоотношений между Египтом и Римом можно считать середину 1990-х – начало 2000-х гг. Новые подходы позволили по-новому оценить характер и степень влияния Египта на Рим. Своеобразное «возрождение» интереса к культуре Исиды началось с публикации данных по некоторым важным храмовым комплексам⁴¹ и с первой международной конференции, проходившей в 1999 г.⁴² Дальнейшее развитие эта тема получила в основном благодаря публикации источников и новым международным конференциям⁴³. Немалый вклад в изучение кросс-культурных контактов между Египтом и Римом внесли и увидевшие свет в этот период монографии и некоторые статьи, поставившие под сомнение целый ряд устоявшихся концепций и интерпретаций⁴⁴. Наиболее значимой была работа Саролты Такаш «Исида и Серапис в римском мире»⁴⁵, в которой автор стремится развенчать мнение о том, что консервативные круги Рима, опекавшие традиции римской религии, старались всячески препятствовать укреплению влияния культа Исиды, и приходит к выводу, что в действиях римских властей в I в. до н.э. не было предубеждения и антипатии именно к египетским культам. Еще одной значимой работой является статья М. Золднера, посвященная использованию египетских мотивов в эпоху Августа⁴⁶, где автор полностью отклоняет религиозную интерпретацию Aegyptiaca в правление Октавиана. Он подчеркивает политический подтекст египетских мотивов как напоминания о победе Августа в битве у м. Акций и наступления *aurea aetas*.

Одним из результатов недавних дискуссий в научных кругах является признание того, что во многих исследованиях вплоть до середины XX в. наблюдается необоснованное преувеличение значимости религиозного аспекта во взаимоотношениях Египта и Рима. Появилось понимание необходимости изучения подобных контактов в рамках более широкого процесса кросс-культурной коммуникации. При этом следует учитывать, что не существует определенной модели в формировании образа «другого», которую можно было бы отнести к римскому представлению о египтянах. Так или иначе, этот процесс осуществлялся под воздействием различных исторических обстоятельств и факторов.

Следует также отметить, что в историографии крайне незначительное число работ посвящено изучению образа Египта в римской литературе. Примечательно, что

⁴¹ Lembke K. Op. cit.

⁴² De Memphis à Rome: Actes du Ier Colloque International Sur les Études Isiaques, Poitiers – Futuroscope, 8–10 avril 1999 / Ed. L. Bricault. Leiden, 2000.

⁴³ Aegyptus et Pannonia, I Acta Symposii anno 2000 / Ed. H. Györy, Zs. Mráv. Budapest, 2002.; L'Égypte à Rome. Actes du colloque international (Caen 28–30 septembre 2002) / Ed. F. Lecocq. Caen, 2005.

⁴⁴ Среди этих работ также стоит выделить монографию М. Дж. Верслюйса, о которой мы скажем подробнее при рассмотрении историографии изучения Нильских сцен.

⁴⁵ Takács S.A. Op. cit.

⁴⁶ Söldner M. Ägyptische Bildmotive im augusteischen Rom. Ein Phänomen im Spannungsfeld von Politik, Religion und Kunst // Ägypter, Griechen, Römer: Begegnung der Kulturen / Hrsg. H. Felber, S. Pfisterer-Haas. Leipzig, 1999. S. 95–113.

большая часть исследований по данной тематике увидела свет в периодической литературе и сборниках статей, что еще раз подчеркивает отсутствие масштабных исследований в этом направлении. Из последних работ можно выделить статьи К. Бертелот⁴⁷, Х. Мэхлера⁴⁸ и С. Нимиса⁴⁹. К. Бертелот исследует прежде всего стереотипы отношения греков и римлян к египтянам и их влияние на формирование отношения к египтянам у еврейских авторов, таких как Иосиф Флавий и Филон Александрийский. С. Нимис пытается найти в представлениях о Египте в римской литературе стереотипы, заложенные греческими авторами, и делает главный акцент на образе царицы Клеопатры. Наиболее фундированной является работа Х. Мэхлера, который концентрирует свое внимание на образе Египта в римской поэзии и анализирует влияние пропаганды Октавиана на римских авторов I–II вв. н.э.

Тематически близким к теме образа Египта в римской литературе является изучение образа Нила в античности, которое длительное время являлось самостоятельным направлением историографии. Начиная с середины 1960-х и вплоть до начала 1990-х гг. можно выделить четыре значимые монографии, три из которых принадлежат французскому папирологу Даниэлю Бонно⁵⁰. Автором еще одной монографии является немецкий историк Б. Постл⁵¹, которая в своей работе по изучению образа Нила акцентирует внимание на литературных источниках. Заимствуя методологический подход Д. Бонно, Б. Постл рассматривает как египетские папирусы, так и римские источники, в которых в аллегорической форме представлен образ Нила. Одной из последних работ является монография Э. Манолараки⁵², в которой рассматриваются представления римлян о Ниле в римской литературе, начиная с *Bellum Civile* Лукана и вплоть до Филострата Старшего.

Следует отметить, что в нашей работе не затрагивается тематика образа Нила в римской литературе, поскольку это – самостоятельная объемная тема для исследования, требующая не только систематизации и анализа разрозненных сведений о Ниле у римских авторов, но и поиска интертекстуальных связей между греческими и римскими литературными источниками, что наглядно доказывает монография Э. Манолараки. Это, в свою очередь, выходит за рамки нашего исследования, поэтому основной акцент в изучении данной тематике будет перенесен на другую составляющую образа Нила – так называемые Нильские сцены. Долгое время

⁴⁷ Berthelot K. The Use of Greek and Roman Stereotypes of the Egyptians by Hellenistic Jewish Apologists, with Special Reference to Josephus' *Against Apion* // Internationales Josephus-Kolloquium Aarhus 1999 / Hrsg. J.U. Kalms. Münster, 2000. P. 185–221.

⁴⁸ Maehler H. Op. cit.

⁴⁹ Nimis S. Op. cit.

⁵⁰ Bonneau D. La crue du Nil: divinité égyptienne à travers mille ans d'histoire. P., 1964; Bonneau D. Le fisc et le Nil: incidences des irrégularités de la crue du Nil sur la fiscalité foncière dans l'Égypte grecque et romaine. P., 1971; Bonneau D. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte Grecque, Romaine et Byzantine. Leiden, 1993.

⁵¹ Postl B. Die Bedeutung des Nil in der römischen Literatur. Mit besonderer Berücksichtigung der wichtigsten griechischen Autoren. Wien, 1970.

⁵² Manolaraki E. *Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus*. B., 2013.

Нильские сцены в историографии связывались с культом Исиды⁵³, что, в свою очередь, проистекало из двух основных стереотипов, сформировавшихся еще в XIX в. в отношении элементов египетской культуры на территории Италии. Первый заключается в том, что «цивилизованные римляне не могли сами начать поклоняться восточной богине», и что «этому способствовало влияние низших слоев населения»⁵⁴. Второй сводится к тому, что египетские и египтизированные монументы и артефакты в Италии должны быть априори связаны с египетскими культурами. Тематика Нильских сцен неоднократно затрагивалась в научной литературе. Еще М.И. Ростовцев рассматривал Нильские сцены главным образом как элемент экзотического внутреннего убранства (экзотизма), сравнивая их с шинуазри в европейской живописи и декоративно-прикладном искусстве⁵⁵. В начале 1960-х гг. А. Адриани отметил, что истоки популярности Нильских сцен в Риме, возможно, следует искать в изображении бога Нила из Ватиканского музея⁵⁶. Подобную связь с богом Нила находит и И. Лэвин в своей монографии о мозаике из Антиохии⁵⁷.

Одним из первых исследователей, кто отказался от безоговорочной религиозной трактовки Нильских сцен в пользу общего культурного влияния, был М. Малэз⁵⁸. Эта тенденция во многом была продолжена П. Мэйбумом, который исследовал Нильские сцены, датируемые I в. до н.э., изучая Нильскую мозаику Палестрины (древний Пренесте)⁵⁹. Иную интерпретацию Нильских сцен предложила и С. Такаш: согласно ее трактовке, в Нильских сценах отчетливо прослеживаются элементы символики культа Исиды, однако они уже оторваны от изначального (религиозного) контекста и являются частью нового римского стиля, отображающего экзотический мир⁶⁰.

Самым последним и наиболее полным изданием Нильских сцен является монография Мигеля Верслюйса⁶¹, в которой автор отказывается от сложившейся традиции классифицировать все египетские сюжеты в римском декоре как религиозные, а также указывает на необходимость выделения Нильских пейзажей в отдельный жанр живописи.

К сожалению, в отечественной историографии практически отсутствуют специальные исследования, посвященные формированию образа египетской культуры в римском обществе. Однако представления римских и греческих авторов о других народах нашли свое отражение в работах некоторых отечественных историков. Особо

⁵³ Vidman L. Isis und Sarapis // Die orientalischen Religionen im Römerreich / Hrsg. M. Vermaseren. Leiden, 1981. P. 133–134.

⁵⁴ Lambrechts P. Op. cit. P. 7.

⁵⁵ Rostovtzeff M.I. Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1911. Bd. XXV. S. 71.

⁵⁶ Adriani A., Pensabene P. Repertorio d'arte dell'Egitto greco-romano. Palermo, 1961. Vol. II. P. 55.

⁵⁷ Lavin I. The Hunting Mosaics of Antioch and Their Sources: A Study of Compositional Principles in the Development of Early Mediaeval Style. Washington, 1963. P. 225, 273.

⁵⁸ Malaise M. Inventaire preliminaire...

⁵⁹ Meyboom P.G.P. The Nile Mosaic of Palestrina.

⁶⁰ Takács S.A. Op. cit. P. 34.

⁶¹ Versluys M.J. Aegyptiaca Romana.

можно выделить труды В.О. Никишина. Ряд его публикаций⁶², а также диссертация посвящены теме римского «шовинизма» в I в. до н.э. и основаны на материале произведений Цицерона, Цезаря и Саллюстия. Он изучает отношение к чужеземцам каждого из названных авторов в отдельности, при этом акцентируя внимание на особенностях стереотипного восприятия римлянами тех или иных чужеземных народов, на характерных чертах их собирательных образов и глубине «шовинистического» чувства, которое испытывали по отношению к ним Цицерон, Цезарь и Саллюстий.

Исследование мифа об Исиде и Осирисе в греко-римской и позднеантичной традиции было предпринято О.А. Васильевой⁶³. В основе методологии ее исследования лежит компаративная методика по проблеме *interpretatio Graeca et Romana*, наиболее ярким образцом которой можно считать монографии Дж. Гриффитса и его учеников. Автор приходит к выводу о преемственности внутри исследуемой традиции, а также выявляет наиболее типичные искажения мифа, возникшие вследствие неправильного понимания первоисточников. Учитывая отсутствие в отечественной историографии фундаментальных работ по проблеме *interpretatio Graeca et Romana*, можно уверенно констатировать, что исследование О.А. Васильевой содержит в себе значимые предпосылки к разработке тематики образа Египта и египетской культуры в римском обществе.

Следует отметить, что в начале XXI в. изучение темы кросс-культурных контактов между Римом и Египтом в западной историографии выходит на новый качественный уровень, свидетельством чего является появление целого ряда работ, посвященных образу Египта в римской литературе, а также переосмысление влияния религиозного фактора на формирование представлений о египетской культуре в римском обществе. Однако по-прежнему не уделяется должного внимания теме египетской истории в римской литературе и влиянию греческих топосов и знаний на собственно римские представления об исторических процессах, происходивших в древнем и эллинистическом Египте. Кроме того, отсутствуют комплексные исследования, объединяющие изучение влияния эллинизированных культов египетских богов и традиционных египетских верований, в основном связанных с зооморфной тематикой, на формирование образа Египта. Изучение использования египетских мотивов в политической пропаганде Октавиана Августа также далеко не исчерпывает всех аспектов данной темы.

⁶² Никишин В.О. Эллинический шовинизм в архаическую и классическую эпохи: возникновение и развитие // Труды кафедры древних языков: к 50-летию кафедры. М.–СПб.: Алетей, 2000. С.46–51.; Никишин В.О. "Национальный вопрос" в произведениях Тацита // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. М., 2001. Вып. IV. С. 93–108.

⁶³ Васильева О.А. Миф об Исиде и Осирисе в греко-римской и позднеантичной традиции: дис. канд. ист. наук: 07.00.09 / Васильева Ольга Александровна. М., 2004.

Именно вышеперечисленными обстоятельствами и обусловлены, во-первых, актуальность нашего обращения к теме образа Египта и египетской культуры в римском обществе, а во-вторых, научная новизна данного исследования.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению образа Египта в римском обществе: в диссертации впервые поставлена проблема формирования представлений римлян о египетской культуре в столь широких хронологических границах, что позволяет проследить изменение образа Египта, а также проанализировать влияние римской интеллектуальной элиты на популярность египетской тематики в Риме. Также впервые предпринята попытка реконструкции сложившегося у римлян образа египетской культуры с учетом политических и исторических реалий взаимоотношений между Египтом и Римом в указанный период.

К числу особенностей работы можно также отнести то, что она является первой попыткой в отечественной историографии исследовать влияние египетских религиозных культов на отношение римлян к Египту с учетом подхода, закрепившегося в зарубежной историографии в последние 10 лет и подразумевающего переосмысление значимости религиозного аспекта во взаимоотношениях Египта и Рима.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она дает возможность выявить механизмы формирования и бытования культурных топосов, а также расширить знания о формах и механизмах представления «другого» и самоидентификации человека не только в античном, но и в современном обществе. Исползованные в исследовании методы и полученные результаты открывают новые ракурсы для сравнительного, в том числе имагологического, анализа восприятия «образа другого» в античный период.

Практическая значимость работы заключается в том, что она дает целостное представление об образе Египта в римском обществе, а это позволяет скорректировать некоторые общепринятые взгляды на отношение римлян к культуре древнего Египта. Материалы, выводы и теоретические положения настоящего исследования также могут быть использованы при разработке учебных и учебно-методических материалов не только по истории античности и культурологии, но и по такой дисциплине, как межкультурная коммуникация.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложений, в которых приведены иллюстративные материалы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, обозначены объект и предмет, цели и задачи исследования, дана характеристика источников и историографии по указанной тематике, сформулирована научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы.

Первая глава «Египетские мотивы и образы в римской литературе» состоит из четырех параграфов. В **первом параграфе «Цицерон о Египте»** уделяется внимание отношению Цицерона к египтянам и египетской культуре. Руководствуясь в первую очередь сложившейся традицией, Цицерон относит египтян к варварским народам (*Nat. deor.* I. 81.; *Verf.* II. 5. 157). Кроме распространенного в античном мире неприятия египетского поклонения животным, Цицерон акцентирует внимание и на египетском погребальном обряде, предусматривающем бальзамирование умерших и сохранение их у себя дома (*Tusc.* I. 108). Однако позицию Цицерона в отношении Египта нельзя назвать однозначно негативной: будучи моралистом⁶⁴, критично относившимся ко многим событиям в Республике, он указывает на отсутствие у египтян того упадка нравов, о котором применительно к Риму неоднократно писали многие его современники.

В целом, отношение римского оратора к египтянам имеет двойственный характер. С одной стороны, Цицерон использует различные литературные штампы и стереотипы, которые разделяли многие его современники. С другой стороны, при всем довольно значительном объеме критических высказываний о египтянах, у Цицерона можно встретить и достаточно благоприятные отзывы о культуре древнего Египта. Тем более нужно учитывать, что многие негативные характеристики, которые римский оратор давал египтянам, зачастую имели судебную или политическую подоплеку.

Во **втором параграфе «Антиегипетская пропаганда Октавиана Августа в римской поэзии»** рассматривается финальное противостояние между двумя оставшимися триумвирами (после смещения Лепида в 36 г. до н.э.) вплоть до взятия Александрии в августе 30 г. до н.э., т.к. именно в этот период происходит активное вовлечение образа Египта в пропаганду против Антония. Существенную перемену в восприятии Египта и египтян римской элитой принесла битва у мыса Акции. Первый отклик в литературе на победу Октавиана над флотом Антония и Клеопатры при м. Акции исходил от Горация, который даже не упоминает Антония, а сконцентрировал все внимание на Клеопатре, посмевавшей угрожать Капитолию (*Od.* I. 37. 7). Своего апогея оскорбления царицы достигают в тот момент, когда Гораций называет ее *fatale monstrum* (*Od.* I. 37. 21) – роковым чудовищем, подчеркивая тем самым масштаб антипатии римской элиты к Клеопатре. Однако ее самообладание и смелость в решении покончить жизнь самоубийством вызывает восхищение у Горация.

В Энеиде Вергилия мы уже не находим того умеренного подхода, который мы видели в оде Горация, с уважительным отношением к мужеству Клеопатры перед лицом поражения и смерти. В тексте Вергилия отражена неприязнь римлян к божествам, в иконографии которых присутствуют изображения животных, например, к шакалоголовому богу Анубису, которого он называет «чудищем» (*monstra*) и противопоставляет римским богам.

⁶⁴ Утченко С.Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. С. 165.

Похожие представления мы находим и у Проперция: для него Египет неразрывно связан с событиями гражданской войны. Он выбирает Клеопатру для наиболее яростных нападок, используя целый ряд утверждений, очерняющих образ и самой царицы, и Египта. Его ненависть к Египту усиливается, когда он затрагивает вопрос о смерти Помпея. Египет в этой связи у него приобретает эпитет «кровавый», ассоциирующийся с бессмысленной агрессией и кровопролитием.

Очевидно, Октавиан сыграл на «националистических» чувствах римлян⁶⁵ и сумел представить свою борьбу за власть как столкновение Запада с Востоком, угрожавшим жизненным интересам Рима. Тем не менее в поэзии эпохи Октавиана мы можем констатировать желание очернить не столько сам Египет, сколько Египет как родину царицы Клеопатры, объявленной врагом римского государства. И именно с этой позиции нужно концептуально рассматривать образ Египта в пропагандистской литературе конца I в. до н.э.

В третьем параграфе «Образы Египта в римской литературе I–III в. н.э.» основное внимание уделяется переходу к концу I в. н.э. от использования образа Клеопатры и битвы у м. Акции к различным сочетаниям старых предубеждений, считавшихся на протяжении длительного времени среди римской интеллигенции банальными. Часто такие предубеждения дополнялись разного рода слухами о вызывающих особое отвращение случаях, как это было у Ювенала, который обвинял египтян в каннибализме.

В целом можно утверждать, что среди римских авторов от I в. до н.э. и до IV в. н.э. мы не найдем ни одного, кто пытался бы осмыслить египетскую культуру. Римские авторы практически не посещали Египет⁶⁶, а их осведомленность о стране и ее культуре основывалась на слухах и домыслах, что делало эти знания чрезвычайно ограниченными и поверхностными. Всякий раз, когда римские поэты и прозаики обращались к теме Египта, они делали это в контексте своих собственных замыслов, а не ради темы Египта как таковой.

В четвертом параграфе «Египетская история в сочинениях греческих и римских авторов I в. до н.э. – III в. н.э.» анализируется объем и характер тех знаний об истории Египта, которыми располагали и оперировали римские авторы, а также оценивается их влияние на формирование образа египетской культуры в римском обществе. Отдельно следует сказать, что в римской историографии нет ни одной работы, автор которой с гордостью мог бы утверждать, что он хорошо знает египетскую историю. Древняя история Египта была для римлян малознакомой, основанной на мифологических сюжетах, но в то же время отношение римлян именно к этому периоду представляет для нас наибольший интерес, т. к., рассматривая историю древнего Египта, римские авторы часто высказывали собственные оценочные суждения о самих египтянах и египетской культуре. Иначе обстоит дело с

⁶⁵ Борухович В.Г. После мартовских ид 44 г. до н.э. // Античный мир и археология. 1983. Вып. 5. С. 154.

⁶⁶ Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. Chapel Hill, 1980. P. 68.

эллинистическим периодом в истории Египта. Римские историки уделяли эллинистической истории значительно больше внимания, поскольку для них этот период был не только ближе хронологически, но и воспринимался как часть общего греко-римского прошлого. Однако при описании эллинистического Египта римские авторы в основном выделяли события, связанные с походами Александра Македонского и деяниями представителей династии Лагидов, либо с противостоянием между Антонием и Октавианом, и фактически не интересовались самими египтянами. Поэтому мы не будем акцентировать внимание на сведениях об эллинистическом периоде в истории Египта.

Римские авторы во многом заимствовали у греков не только знания о египетской истории, но и подход к ее описанию, при котором изложение исторического материала не занимало центрального места. При этом следует отметить, что греко-римская историческая литература, за некоторым исключением, способствовала формированию позитивного образа Египта. Даже сказания о легендарном фараоне Сесострисе фактически повторяли египетский фольклор. Сохраняя эту египетскую патриотическую направленность античные историки поднимали авторитет Египта в глазах просвещенной части эллинистического мира, превознося великое прошлое страны фараонов.

Вторая глава «Египет в контексте римской религиозной политики» состоит из двух параграфов. В **первом параграфе «Политика римских властей в отношении египетских культов»** отмечается, что распространение египетских культов среди римлян оказывало влияние на изменение в отношении к ним и римских властей. Можно наблюдать постепенный переход от попыток запретить распространение культов Исиды и Сераписа ввиду того, что они могли оказывать влияние на политические настроения в Риме к возведению их в ранг государственных богов, подкрепляющих божественный статус императора.

Культе Исиды получил официальное признание уже при Калигуле. Одним из первых шагов, предпринятых Калигулой, была постройка храма Исиды на Марсовом поле⁶⁷. Свидетельства возросшего интереса к египетским культам со стороны Флавиев мы во множестве находим в римских источниках, но подтекст этого интереса лежит больше в политической плоскости, нежели религиозной⁶⁸. Честолюбивые императоры поощряли египетские культы в том числе потому, что они служили средством укрепления абсолютной власти. Все представители династии Антонинов вплоть до Коммода старались сторониться публичного участия в мероприятиях, связанных с культом Исиды. Активное участие Коммода в официальных ритуалах египетских культов придало последним огромный авторитет, особенно среди римского нобилитета. При Септимии Севере мы можем наблюдать естественное развитие роли культов египетских богов в общественной жизни Рима, которое началось еще в правление Веспасиана. Преемники Септимия также продолжили эту традицию, и

⁶⁷ Köberlein E. Caligula und die ägyptischen Kulte. Meisenheim, 1962. S. 12.

⁶⁸ Adamo Muscettola S. I Flavi tra Iside e Cibebe // La Parola del Passato. 1994. Vol. 49. P. 94.

можно констатировать, что именно Каракалла оказывал наибольшее покровительство египетским культам среди римских императоров I–III вв. н.э. Не случайно на одной Александрийской надписи, датированной 216 г. н.э., он назван *Φιλοσαρδῆτις*⁶⁹.

Несмотря на то, что часто в исторической литературе многие римские императоры относятся к последователям культа Исиды, проведенный анализ исторического материала позволяет предположить, что ни один из них не был напрямую вовлечен в культ Исиды и посвящен в ее мистерии.

Второй параграф «Египетская религиозная экзотика: между предубеждением и почитанием» посвящен анализу отношения римских авторов к неэллинизированным египетским культам, в основном связанным с зооморфной иконографией. Можно выделить две характерные черты образа египетских зооморфных культов. Во-первых, для самих египтян сохранение традиционных культов священных животных, к которым с презрением относились греки и римляне, было способом продемонстрировать свое неприятие культуры правителей-завоевателей. Во-вторых, египетские культы животных подвергались постоянным нападкам и резкому осуждению со стороны римских авторов, что непременно привлекало внимание читательской аудитории, учитывая в целом одинаковое отношение к зооморфным культам в античном мире.

При этом интерес к египетской религии далеко не всегда приводил к ее правильному пониманию, что негативным образом сказывалось и на образе самого Египта. Римляне в силу своих собственных представлений, не могли принять египетские зооморфные культы, а потому в основном относились к ним как к глупым и заслуживающим презрения. Хотя следует отметить, что Плутарх, будучи греком, предпринимал попытки интерпретировать культы животных с позиции символического значения, чтобы их восприятие не входило в противоречие с античными воззрениями на такую религиозную практику. Важно подчеркнуть, что Плутарх не пытался высмеивать египетскую религию, как это мы наблюдаем у Ювенала, напротив, он подходил к ней с почтением и даже уважением. Однако у большинства римских авторов такой тенденции не обнаруживается.

В римской литературе можно выделить две противоположные позиции по отношению к египетской религии. С одной стороны, она рассматривалась римлянами как удивительный феномен, отличающийся исключительно древними священными традициями. С другой стороны, римляне были потрясены отношением египтян к животным, нелепостью их суеверий. Отметим, что теория «стереотипного присвоения», выдвинутая Д. Франкфуртером, позволяет понять механизм подкрепления установившихся представлений о египетской религии в римском обществе: выделить внешние причины культивирования сложившихся стереотипов.

В третьей главе «Египетские достопримечательности глазами античных путешественников» на основании эпиграфического материала (граффити), сохранившегося на египетских памятниках, рассматривается мотивация путешествий

⁶⁹ IGR. P. 368. № 1063.

в Египет греков и римлян, что позволяет выявить представления о Египте среди античных путешественников. Кроме того, значительное внимание уделяется пребыванию в Египте высокопоставленных римских деятелей, а также рассматриваются маршруты путешествий по Египту, чтобы выяснить, какие основные египетские сооружения привлекали внимание римлян и как они могли повлиять на формирование определенных топосов восприятия египетской культуры.

Если опираться на надписи, оставленные на египетских памятниках греческими и римскими туристами, можно сделать сразу несколько значимых выводов. Во-первых, расположение надписей указывает на то, что греческие путешественники посещали значительно большее количество достопримечательностей Египта, нежели римские. Римляне более тяготели к хорошо известным египетским памятникам, таким как Великие пирамиды Гизы или Колоссы Мемнона, в то время как греки посещали и храмовые комплексы, малоизвестные за пределами Египта. Во-вторых, большинство греческих надписей носят либо религиозный характер (т.е. указывают на паломнические цели путешествия), либо оставлены солдатами и чиновниками. Римские граффити вне зависимости от того, написаны они на латинском или на греческом языке, напротив, являются преимущественно светскими по содержанию и оставлены в основном путешественниками. В-третьих, и на греков, и на римлян египетские храмы и монументы производили одинаково сильное впечатление, часто вызывавшее «бурю» эмоций, которая и заставляла их оставлять граффити на египетских памятниках. И, наконец, важно отметить, что греко-римские туристы во время своих путешествий, по всей видимости, практически не контактировали с рядовыми египтянами, предпочитая получать необходимую информацию от жрецов, которые, в свою очередь, реагировали на запросы со стороны путешественников, адаптируя их представления к историческим реалиям самого Египта.

В четвертой главе «Aegyptiaca Romana: египетские артефакты, изобразительные и архитектурные памятники в Риме и Италии» рассматриваются различные объекты материальной культуры, выполненные в египетском стиле, которые можно разделить на две категории: привезенные из Египта, иногда являющиеся подлинными историческими артефактами, созданными в Древнем Египте; созданные за пределами Египта и претендующие на то, чтобы отражать египетскую суть.

Обзор монументальных сооружений, Нильских сцен, а также прочей Aegyptiaca Romana позволяет утверждать, что традиционная трактовка египетских и египтизированных предметов, как тесно связанных с египетскими религиозными культурами, не отражает в должной степени все разнообразие Aegyptiaca. Это, в свою очередь, позволяет прийти к выводу, что распространение Aegyptiaca Romana проходило не под воздействием расширения популярности египетских культов, а скорее оба этих процесса шли параллельно друг другу и являлись частью более общего явления, которое можно классифицировать как моду на египетские культурные топосы.

Можно констатировать, что огромное количество различной *Aegyptiaca* в Риме и Италии может быть определено как культурный феномен, в котором религиозный аспект является значимой составляющей, но не определяет всех разнообразных контекстов использования *Aegyptiaca* в полном объеме, а для описания восприятия римлянами египетской культуры мы вполне уверенно можем использовать термин «египтомания», если дать четкое пояснение относительно особенностей его применения. Действительно, не только письменные источники, но и отчасти Нильские сцены⁷⁰, свидетельствуют о существовании у римлян целого ряда предубеждений в отношении Египта. Однако археологический материал в целом указывает на то, что римляне были очарованы экзотическим характером египетской культуры, что в итоге и привело к широкому распространению египетской тематики на территории Римской Империи.

В **Заключении** сформулированы общие выводы, сделанные в ходе исследования. Восприятие образа Египта в римском обществе можно охарактеризовать как культурный феномен, не имеющий аналогов в истории античности. Специфика этого образа состоит в том, что в его основе находятся два концептуально противоположных представления о египетской культуре. Причем, несмотря на наличие негативной составляющей в отношении восприятия римлянами египетской культуры, вполне уместно употребить термин «египтомания». Образ египетской культуры, сформировавшийся в римском обществе, не сводится только к совокупности знаний о египетской цивилизации и ее традициях. В первую очередь – это римская интерпретация египетских культурных топосов, наполненных новым смыслом, часто радикально отличающимся от оригинального. Будучи фактически адаптированными для позитивного восприятия в античном мире, эти топосы и составляли тот базис римской египтомании, который отличает ее от аналогичного явления в европейской культуре Нового времени. Римлянам удалось создать свой неповторимый образ Египта, даже несмотря на то, что культурные ценности и ценностные ориентации, свойственные египетской культуре, не были осмыслены римлянами в полном объеме, а из всего многообразия культурных топосов они перенимали лишь те, что были известны еще грекам и лежали на поверхности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политическая пропаганда Октавиана в период противостояния с Антонием и Клеопатрой оказала влияние на формирование в римском обществе целого ряда стереотипов в отношении Египта.

2. Репрессии римских властей в I в. до н.э. были направлены на местных последователей египетских культов, а не против египетской религиозной практики как таковой.

⁷⁰ Имеются ввиду те сюжеты, на которых жители долины Нила изображены в неприглядных сценах в виде карликов или пигмеев.

3. Распространение египетских культов среди римлян оказывало воздействие на изменение отношения к ним римских властей. Именно влиянием религиозной моды в римском обществе можно объяснить возросший интерес к египетским культам со стороны династии Флавиев, представители которой использовали популярные образы египетских богов для упрочения собственной власти.

4. Большинство римских авторов объединяет отсутствие глубокого и адекватного понимания египетской религии.

5. Экзотический образ Египта, созданный римлянами согласно их представлениям, был приспособлен египтянами для получения политических и экономических преференций.

6. Распространение *Aegyptiaca Romana* проходило не под воздействием расширения популярности египетских культов, а скорее оба этих процесса шли параллельно друг другу и являлись частью более общего явления, которое можно классифицировать как моду на египетские культурные топосы.

7. Восприятие римлянами египетской культуры в первые века н.э. можно охарактеризовать как «египтоманию». При этом можно констатировать наличие очевидного противоречия: археологические источники указывают на то, что римляне были очарованы экзотическим характером египетской культуры, а литературные источники подчеркивают наличие у римлян предубеждений в отношении Египта. Данное противоречие и составляет основу характеристики римской «египтомании» как культурного феномена.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского, а также были представлены в виде докладов на следующих конференциях:

- Международная научная конференция XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова (Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. Нижний Новгород, 25–27 сентября 2012 г.);

- Всероссийская научная конференция XVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (Образы власти в гуманитарных исследованиях. Нижний Новгород, 11–12 апреля 2013 г.);

- Форум молодых учёных Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, 16–18 сентября 2013 г.);

- Международный форум, посвященный 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана (Казань, 13–15 ноября 2013 г.);

- II авторско-читательская конференция альманаха «ANTIQUITAS AETERNA» История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого (Нижний Новгород, 25–26 апреля 2014 г.);

- Научная конференция «Проблемы межкультурного взаимодействия: история и современность» (Нижний Новгород, 29 апреля 2014 г.).

Основные положения диссертации освещены в ряде публикаций. **Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:**

1. Реакция римских властей на распространение египетских культов в Риме (I в. до н.э. – I в. н.э.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5(1). С. 193–200.

2. Поклонение животным: египетская религиозная экзотика в восприятии римлян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(3). С. 186–194.

3. Aegyptiaca Romana: Нильские сцены и римское восприятие Египта // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22(165). Вып. 28. С. 16–22.

4. Представления о древней египетской истории в римском обществе периода империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2(1). С. 245–256.

Публикации в иных изданиях:

1. Римское восприятие египетской религии: между предубеждением и почитанием // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени / XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова: материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. С. 34–37.

2. Высокопоставленные римские «туристы» в Египте: религиозное любопытство и историческая экзотика // Образы власти в гуманитарных исследованиях: сборник статей по материалам всероссийской научной конференции XVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского / Под ред. А.В. Хазиной, Ф.В. Николаи. – Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. С. 165–169.

3. Антиегипетская политическая пропаганда Октавиана Августа в римской поэзии: образ Клеопатры как врага Рима // Форум молодых ученых. Тезисы докладов. Том 2. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 26–28.

4. Aegyptiaca Romana: Нильские сцены и римское восприятие Египта // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана; Казань, 13–15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 167–171.